

С.А. Фомичев

Московский университет

В 1803 году назначается товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета М.Н. Муравьев, который стал автором первого, по образцу университетов Франции и Германии, устава МУ, высочайше утвержденного 5 ноября 1804 года, где содержалось несколько основных положений такого рода: самоуправление университета и его автономия от местных органов власти; выборность профессуры и ректора, который был главой Совета профессоров, руководившего внутренней жизнью университета, и заменил назначаемого правительством директора; свобода преподавания, отсутствие жесткого контроля над профессорами и студентами и, наконец, бесплатное, доступное для всех сословий обучение, утверждение за университетскими должностями и учеными степенями соответствующих классов в Табели о рангах. Поступившие в университет студенты автоматически возводились в дворянское достоинство и при определении на службу приписывались к 14 классу. Все студенты разделялись на своекоштных и казеннокоштных. Казеннокоштные студенты, которых по штату полагалось 40 человек, а реально бывало и больше, получали содержание из выделяемой ежегодно правительством на нужды университета суммы в 130 тыс. руб., а также из щедрых пожертвований, которые стали поступать в университет после начала преобразований. После прохождения экзаменов студенту университета могли быть присвоены последовательно степени кандидата (12 класс), магистра (9 класс) и доктора (8 класс). Согласно новому уставу, обучение проходило на четырех отделениях (факультетах): этико-политических, словесных, физико-математических и медицинских наук. Медицинский факультет находился обособленно, его студенты жили и учились в отдельном помещении во дворе университетского здания, рядом были клиники и повивальный институт. Слушатели трех первых факультетов, напротив, почти не отделялись друг от друга и многие лекции слушали вместе. Срок обучения для медиков был установлен в 4 года, для остальных факультетов — 3 года. Студенческий состав в первое десятилетие XIX века был неоднороден, но в нем преобладали разночинцы, точнее, выходцы из семей священников, получившие начальное образование в семинариях. Начиная реформы, правительство рассчитывало на приток дворян в университеты. Подходящие условия в Москве для этого создавал, в частности, университетский Благородный пансион, куда за умеренную плату могло определять своих отпрысков провинциальное дворянство, не имевшее средств, чтобы жить в столице, а также и значительная часть московских дворян. Популярность Благородного пансиона непрерывно росла, и определенная доля его воспитанников пополняла ряды студентов. Муравьев приглашает для чтения лекций в Московский университет ведущих европейских ученых. Иностранные профессора вошли в моду: московские дворяне начали отдавать своих сыновей к ним на пансион, поручая немцам надзор за их образованием. Приглашение в университет иностранцев, не владевших русским языком и читавших лекции по-немецки, французски или латыни, что зачастую затрудняло их восприятие студентами, было вынужденной мерой, необходимой для преодоления отставания университетской науки от современного европейского уровня. Сам Муравьев верил, что «со временем лекции всех наук будут преподаваться на природном языке», и готовил молодое поколение русской профессуры, покровительствуя наиболее одаренным студентам. Университет и пансион в годы, предшествующие Отечественной войне, благодаря реформе, осуществленной Муравьевым в 1803–1807 годах, приобрел статус и общественное значение, сопоставимые с лучшими европейскими университетами. Выступая на открытых заседаниях научных обществ или торжественных университетских актах, на страницах журналов, ученые доказывали необходимость глубокого изучения наук, развивающихся во всем мире, и неизбежность вовлечения

России в этот процесс. Последовавший общественный отклик выразился в щедрых дворянских пожертвованиях университету и притоке туда студентов из самых различных семей, вплоть до высшей аристократии.

По сохранившимся документам известно, что Грибоедов в 1803 году учился в Благородном пансионе при Московском университете, в 1806–1808 годах — на словесном отделении того же университета, которое окончил со званием кандидата словесности. Грибоедов был зачислен в Московский университет 30 января 1806 года. По уставу ректор мог принять в студенты на основании аттестата, выданного каким-либо учебным заведением, или создать комитет для проверки знаний будущего студента, если тот учился дома. Вступительный экзамен в эти годы проходил не слишком строго. После зачисления Грибоедов должен был получить у ректора список профессоров, занятия которых ему необходимо было посещать на первом году обучения.

«На право слушания лекций выдавалась каждому на латинском языке табель, в которой по каждому факультету выставлены были с именами профессоров все предметы университетского учения, ректор отмечал в них, но собственному своему усмотрению, все предметы, слушание которых делалось для снабженного табелью обязательным».

На первый год студенту определялись лекции профессоров нескольких отделений, составлявшие вводный курс, несколько выравнивавший уровень их знаний и готовивший для более специализированных занятий на своих отделениях (так, например, единым для всех студентов был курс всеобщей истории и т. п.).

«Устройство университета в то время, — вспоминал родственник и сокурсник будущего драматурга Лыкошин, — было отлично от настоящего: здание нового университета было тогда принадлежностью Пашкова, с садом, наполненным разными диковинами, а флигель на Никитской занят был под императорский театр. В так называемом теперь старом университете залы бельэтажа были аудиториями для студентов; в большой средней ротонде была конференц-зала, а в боковом отделении направо от входа с Моховой была церковь; под нею <...> квартира ректора Стрхова <...>. Обыкновенно собирались <...> на лекции в 8 часов утра и оканчивали в 12, чтоб после обеда опять слушать от 3 до 5 часов <...>. Лекции истории всеобщей профессора Черепанова, преподававшиеся по Штреку, были иногда забавны по его объяснениям, вроде следующих: “Милостивые государи, с позволения вашего, Семирамида была великая <....>” — и когда нам надоест, бывало, слушать эти глупости, мы, как школьники, зашаркаем ногами, и профессор-добряк, рассердясь, уходит. Старик Гейм со своею статистикою всякий раз лишь отворит дверь, начинает на скором бегу к кафедре бормотать под нос себе лекцию, так что начало ускользало от нас <...>. Какая галерея оригиналов!»

В 1810–1812 годах в качестве стороннего посетителя Грибоедов посещал лекции ведущих профессоров этико-политического отделения, готовясь к испытанию для поступления в чин доктора прав. В университетском уставе 1804 г. помечено:

«Ректор имеет право дать позволение и не внесенным в список студентам слушать лекции, но не иначе, как по предварительном извещении того профессора, которого лекциями слушатель желает пользоваться».

Ср. также информацию, помещенную в журнале «Вестник Европы» в 1811 году:

«В нынешнем году записано в университет обучающихся студентов казенного содержания и самокоштных 215, кроме многих сторонних посетителей, слушающих лекции по дозволению г. ректора».

В послужных списках Грибоедова, составлявшихся с его слов, обычно указывается, что он имел звание кандидата прав, но это намеренная ошибка (вместо «кандидат словесности»). В конце июня 1808 года Грибоедов, видимо, экспромтом, по настоянию матери, успешно выдержал экзамен на степень кандидата словесности (известна собственноручная копия, представленная Грибоедовым в Коллегию иностранных дел). Процедура получения кандидатской степени по уставу 1804 года была следующей:

«Студент, требующий степени кандидата, является к декану, который, известив отделение, назначает день, в который должен он предстать собранию. Отделение чрез своего декана предлагает испытуемому задачи, касающиеся до наук, к отделению принадлежащих, которые он должен объяснить письменно. Потом производится изустное испытание, состоящее в двух вопросах, относящихся до главной науки, в которой студент упражнялся, и выбранных по жребию. Сии вопросы решит он словесно. После чего присутствующие делают произвольное словесное испытание, не исключая и наук вспомогательных».